

ПЕРЕСТРОЙКА: СЛОВА И ДЕЛА

ТРИ ДУБЛЯ НА МОРАЛЬНУЮ ТЕМУ

Этой истории скоро четыре года, и конца ей не видно. Ни отстраненная от дела, которым вроде бы успешно занималась, режиссер студии «Ленфильм» Л. Маркова, ни члены художественного совета цеха дублирования фильмов студии позиций своих менять не собираются. Маркова требует предоставления работы в цехе, где она трудилась восемь лет. Художественный совет против. В этом частном конфликте резко обозначился, вышел на передний план важнейший сегодня аспект перестройки — нравственный.

НА ВСТРЕЧУ в корпункт «Советской культуры» она опоздала. Пришлось звонить корреспонденту, объяснять, что вещи ее, заложенные и перезаложенные в ломбарде, сегодня непременно продадут, если она в очередной раз не уговорит администратора.

А разговор с Лилианой Васильевной получился именно таким, каким он должен был получиться с человеком, годы доказывающим свою правоту в хождениях по инстанциям. Я задавал вопросы, и мы вместе искали на них ответы в папках с официальными ответами, раскладывая их по стопкам — это из Госкино СССР, это из ЦК профсоюзов, это от друзей, это от «врагов». Такая ситуация вырисовывалась.

С 1977 года работала режиссер Маркова над дублированием фильмов. Все ее работы принимались с хорошими и отличными оценками. Из 26 картин 19 приняты Госкино и Главкинопрокатом по первой категории. Ни одна картина на доработку не возвращалась, и категории ни разу не снижались. И вот четыре года назад у Марковой обострились отношения с руководством цеха, и вскоре ей перестали давать работу по дублированию. Три года она добивается правды, хотя могла бы трудиться по специальности в съемочных группах, где, кстати, и материально бы выиграла.

В чем же причина конфликта? Оторвавшись наконец от бумаг, Лилиана Васильевна доказывала, что все у них в цехе да и на студии построено на взаимных обязательствах, на знакомствах. Между бывшим в то время начальником цеха Ю. Джороговым, о появлении которого на работе в нетрезвом виде она делала неоднократные заявления, и начальником производственно-творческого отдела И. Лебедем; между режиссером В. Чечуновым, против движения которого в худруки Маркова настойчиво возражала, и редактором цеха Г. Чаплиной; между профессионально несостоятельной ассистентом режиссера Л. Байковой, с которой она наотрез отказалась работать, и кем-то из высшего начальства...

— Со всеми этими группками я не желала мириться. Но стоило выступить, и меня убрали, да еще под предлогом «повышения качества дублирования». А обращения мои в общественные организации и высшие инстанции не дали ничего только потому, что никто не пожелал разобраться на месте. Разберитесь хоть вы. Надо было разобраться.

В КАБИНЕТЕ директора студии меня ждал начальник производственно-творческого отдела И. Лебедь и старший юрист студии «Ленфильм» К. Рябчук. У обоих в руках пухлые папки с бумагами по делу Марковой. По лицу присутствовавшего здесь исполняющего обязанности директора студии А. Голутвы было видно, что и он давно в курсе истории и успел уже устать от столь очевидной, но до сих пор неразрешенной ситуации.

И. о. директора, начальник производственно-творческого отдела и юрист в оценке ситуации были единодушны, обрисовывали ее сухо, скупо и четко. На студии не было и нет штатных единиц режиссеров дубляжа. Есть многочисленная группа режиссеров, в обязанности которых входит прежде всего работа в съемочных группах. За последние годы в цехе дублирования сложилась группа режиссеров, работающих исключительно по этому профилю. Качество работы страдало, а высокие категории за картины присваивались практически автоматически.

Решено было всю группу передать в распоряжение производственно-творческого отдела и использовать, помимо дубляжа, на общих основаниях в работе съемочных групп. Маркова как наиболее слабый человек в дубляже должна была оставить эту работу первой. Ей предлагали заняться ее основной работой на картине. Она категорически отказалась.

Неожиданный, честно говоря, поворот. Выходит, причина конфликта в том, что Маркова оказалась слабее других режиссеров, не соответствовала новым повышенным требованиям? Быть может, в руководстве цеха, среди бывших коллег Марковой есть люди, придерживающиеся иного мнения?

Молодой начальник цеха дублирования фильмов В. Любезников — человек в этом деле новый, но всерьез им увлеченный. Вот его идея — создать на «Ленфильме» свою школу дублирования. Такой школы нет ни на «Мосфильме», ни на Студии им. Горького. А здесь, на «Ленфильме», все чаще к работе, считающейся второстепенной, привлекаются настоящие мастера, известные режиссеры-постановщики. За последнее время на дублировании работали А. Сокуров, Э. Ясан, В. Гурьянов, молодые режиссеры С. Данилин, О. Тепцов... И это только начало.

— Естественно, что кое-кому из потеснившихся на дубляже годы пришлось потесниться, — подытожил Вадим Викторович. — Что поделаешь — перестройка. Иначе качества не будет. Маркова — первая, с которой обошлись круто. У других режиссеров из старой группы увеличились простои. И это тоже только начало.

Работники цеха дублирования фильмов — режиссер-постановщик А. Абрамов, режиссеры М. Короткевич, Л. Чупиро — говорили о Марковой спокойно, не без участия, но, улы, сходясь в одном — работы Лилианы Васильевны были крепкими, но средними, и присваивалась им высшая категория до тех пор, пока к дубляжу не стали относиться всерьез.

Вопрос о преследовании за критику теперь, спустя четыре года после начала конфликта, у дирекции вызывал недоумение, у бывших коллег по цеху — сомнение. Были нарушены дисциплины со стороны начальника цеха Ю. Джорогова, теперь, кстати, в этой должности не работающего. Были и возражения против назначения худруком цеха режиссера В. Чечунова. Отказывались работать с ассистентом Л. Байковой. Но не одна только Маркова возмущалась беспорядками в цехе. Все это теперь выглядело как обычные «рабочие моменты» в жизни студии. Основания для вывода — Маркова была отстранена за критику — не могло.

И еще в одном многие работники цеха да и дирекция разошлись единодушно. Никто ведь не отлучал Маркову от работы на сту-

дии. Работа второго режиссера, которая не раз ей предлагалась, не менее творческая, хотя и более хлопотная, да к тому же Лилиане Васильевне хорошо знакомая. Человек одаренный, сумеет себя в ней проявить.

НЕ МОГЛИ мои собеседники понять, что же все-таки произошло с их сотрудником. Не могли потому прежде всего, что не пытались взглянуть на эту историю с человеческой, нравственной точки зрения. Рабочий конфликт заглох для них драма.

Лилиана Васильевна пришла на студию тридцать лет назад, после ВГИКа, где училась, кстати, не по творческой — по экономической специальности. Двадцать лет отработала в съемочных группах ассистентом режиссера, вторым режиссером. Наконец получила работу более самостоятельную, творчески независимую и дело делала, как убеждали ее оценки художества, не хуже других режиссеров цеха. Отстранение от дублирования спустя восемь лет после начала самостоятельной творческой работы означало для Марковой одно — признание ее творческой несостоятельности, крах жизненной основы, с таким трудом и так непросто и не сразу завоеванной.

Кто из тех, что пишут, ставят спектакли, снимают фильмы, не знает, как больно бьет критика, особенно предвзятая, тенденциозная, незаслуженная? Но многие только сегодня убеждаются, сколь губительна для всякого творческого человека незаслуженно завышенная оценка, выставляемая годами (а именно это, как уверяли меня в дирекции, в цехе произошло с Марковой). Но можно ли в таком случае весь нравственный груз сваливать при изменившихся вдруг требованиях на того только, кого так оценивали?

Восемь лет от фильма к фильму художественный совет цеха убеждал своего товарища в том, что он не только профессионален, но работает по высшей категории. И вот, решив однажды «стать принципиальными», бороться за качество, те же люди, что выставляли высокие оценки фильмам Марковой, наотрез отказали режиссеру в признании. Вдруг. Без разборов и объяснений. И на свой мучительный вопрос — что же все-таки произошло? — Маркова от худсовета из года в год слышит только: «Ваши фильмы выглядят слабее, чем работы других режиссеров». А из высших инстанций и общественных организаций: «Дирекция студии имеет полное право решать, на какой работе вас лучше использовать». Неудивительно — причину своей жизненной неудачи Маркова ищет в интригах, преследовании за критику. И живет-то она все это время с одной мыслью: вот еще одна жалоба, еще одна комиссия, справка — и ей снова дадут любимую работу.

Подобные ситуации в творческой среде в последнее время стали не такой уж редкостью. Сброшенный со счетов в перестроечном западе, убежденный, что пострадал за критику и принципиальность, творческий работник — фигура сегодня почти типическая. И не замечать этого, а уж тем более пытаться оправдать ее появление большими делами, повышением качества, великими целями, значит, снова повторять ошибки, от которых мы раз и навсегда решили отрезвиться.

Мы все недовольны темпами перемен, жаждем сдвигов не только в решении житейских проблем, но прежде всего в деле, которому служим. Что-то это дело все еще тормозит, и трудно в каждом конкретном случае понять — что. Легче заняться поисками — в ком тормоз. А отыскав и махнув на человека рукой — с той, продукт застоя, все ясно, — идти дальше. Только вот не перестройка, не ускорение это будет, а что-то совсем иное. Потому что перестройка прежде всего совершается для человека. И главный критерий любого действия в ней и ради нее — нравственный. Перемены сегодня не могут происходить для пользы дела, но во вред человеку. Тем более в творческом процессе, где простыми действиями сложения и вычитания толку и правды не добьешься. Задача тут много сложнее, чем просто дать дорогу талантам и низвергнуть забравшуюся с внешней помощью на вершины посредственность и бездарность. Задача — дать возможность каждому творческому человеку раскрыться полностью в работе.

НЕДАВНО вопрос о Марковой снова рассматривался на худсовете цеха дублирования.

Не сочли в цехе нужным пригласить режиссера на заседание и на этот раз. «Худсовет это делать не обязан», — пояснил мне начальник производственно-творческого отдела И. Лебедь.

И все же, если не в оценке работ Марковой, то в отношении к ситуации, в которой она оказалась, члены нового худсовета были далеко не единодушны. Вот выдержки из стенограммы: «Если мы хотим избавиться от нежелательного работника, давайте это делать честно. Либо мы посмотим все, что делала Маркова, оценим и скажем, что это плохо, либо дадим человеку еще раз попробовать свои силы. А сейчас я считаю претензии Марковой к дубляжному цеху абсолютны справедливыми» (И. Ефимов, заслуженный артист РСФСР). «Вокруг Марковой ощущается атмосфера прошлого несправедливого отношения. Тот факт, что человек сделал около 30 картин, не может быть сброшен со счета» (И. Мушкатин, режиссер). «У Марковой картины по первой категории, очень мало по второй» (А. Абрамов, режиссер-постановщик).

Результаты голосования на том худсовете, отказавшем Марковой в предоставлении работы по дублированию фильмов, подтверждают, что многие в цехе именно в нравственной, моральной оценке происходящего чувствуют вполне понятное беспокойство и далеко не убеждены, что поступили со своим товарищем справедливо. Шесть членов худсовета голосовали за разрешение Марковой поработать на дублировании, доказать, на что она способна. Отказали режиссеру с перевесом в один голос. И думается, если бы в художественном совете «Ленфильма» всерьез разобрались в далеко неоднозначной оценке цехом дублирования истории с Марковой, здесь не поспешили бы утвердить решение не в ее пользу.

...Покидая студию, я думал о беседах в дирекции. — Маркова — только начало. — говорили там. — Не будем называть имен. Но кандидатуры следующих отстраненных уже известны».

Как я понял, кандидатуры были среди тех, кто только что говорил о непрофессионализме и слабости работ Марковой. Среди тех, кто сегодня убежден в том, что идет в русло и темпе перестройки.

Так, может быть, рано в деле Марковой ставить точку? Ведь пока на «Ленфильме» не поумут, что в центре любых перемен — человек, а цель их — более полная реализация его возможностей, «дела» такие будут расти и множиться.

В. ЦЫБУЛЬСКИЙ.
(Наш спец. корр.)

ЛЕНИНГРАД.